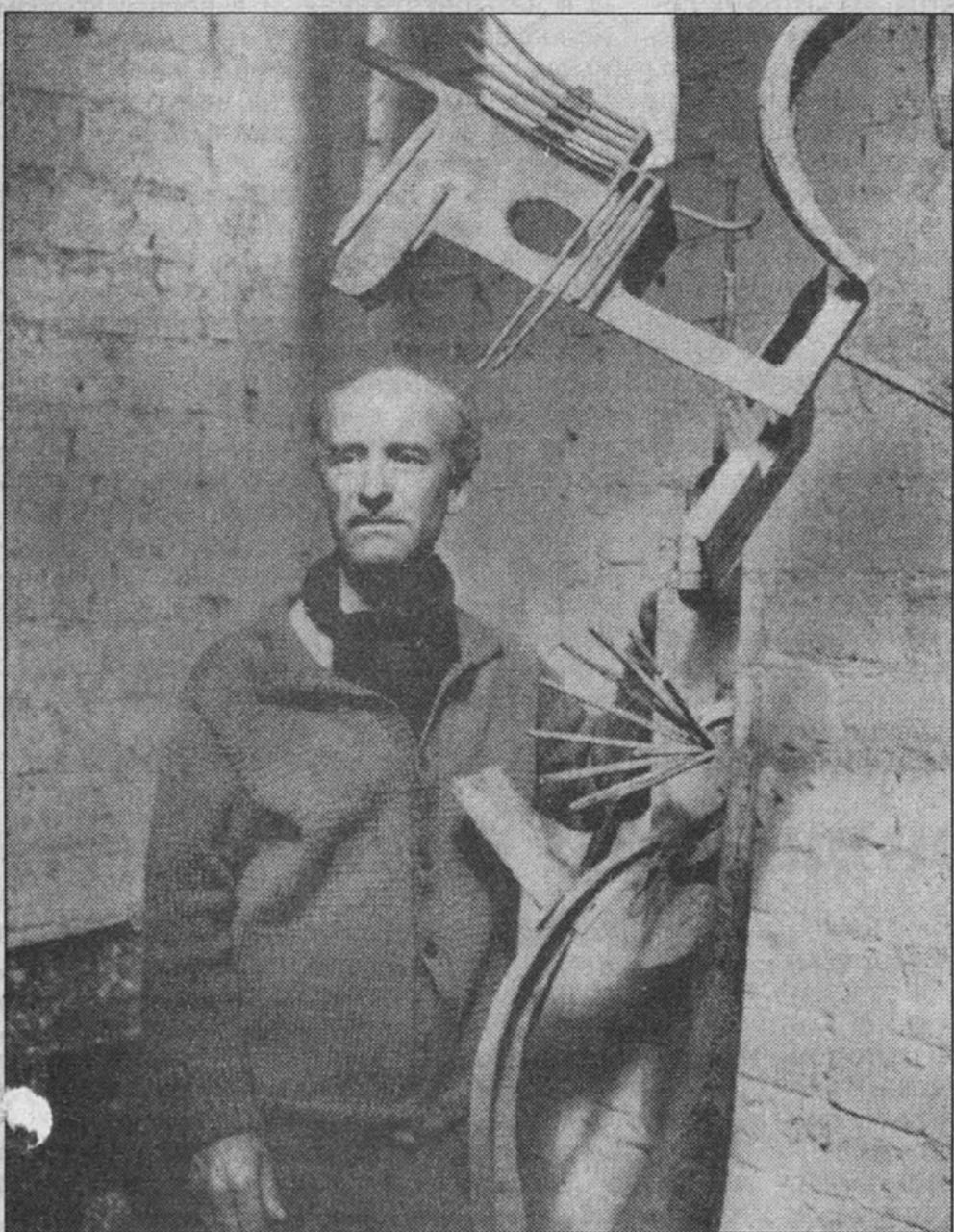

КоммерсантЪ - daily -
1997 - 16 авг. - с. 7.

Скульптор, любивший колющие и режущие предметы

В Берне открылась ретроспектива
Хулио Гонсалеса

Прежде чем стать мастером авангардистской скульптуры, Хулио Гонсалес попрактиковался с автогеном на заводах «Рено»

Как и в прошлом году, нынешний летний выставочный сезон в Западной Европе проходит под эгидой скульптуры. Третья quadriennale Мюнстера демонстрирует последние мировые новации в этом виде искусства, впрочем, забывшего о пластике в пользу концепта. Престижный выставочный центр юга Франции — Фонд Мэгг — чествует живописцев Гогена, Матисса, Пикассо, Миро, де Кунинга, временами работавших с металлом, деревом и камнем. Музей изобразительных искусств Берна организовал ретроспективу Хулио Гонсалеса (1876–1942), художника, мечтавшего о лаврах живописца, но волею обстоятельств ставшего скульптором. И более того, классиком модернистской скульптуры.

Большого упрямца чем Хулио Гонсалес, пожалуй, трудно сыскать в истории искусства XX века. Сын и внук ювелиров, брат скульптора (Жоана Гонсалеса), он, казалось, всеми силами противился на роду написанной карьере. Участь в Барселонской школе искусств, Гонсалес-младший видел себя то продолжателем реалиста Курбе или символиста Пюви де Шаванна, то соратником молодых каталонских декадентов, изобретавших иберийское art nouveau с оглядкой на Париж.

Учиться именно современной живописи Гонсалес отправился во Францию (по тем временам это был обычный маршрут для провинциалов-испанцев). Встречи с Пикассо, отметившего в соотечественнике задатки скульптора, не смогли разубедить настойчивого каталонца в том, что его затраты на холст и краски когда-нибудь окупят себя.

Понадобилось еще четверть века писания полусимволистских-полупримитивистских картин, которые бы навсегда приговорили его к месту третьестепенного художника стиля «девяностых годов», прежде чем Гонсалес наконец-то смирился со своим призванием.

Гонсалесу исполнился 51 год, когда из его мастерской в галерею вынесли первые сваренные из металлических отходов скульптуры. Они удивили не только поднаторевшего в декоративной ковке Пабло Гаргальо, но и самого Пикассо, увлекавшегося в то время сваркой забавных железных монстриков.

Неизобразительные скульптуры, без фабулы, без сюжета — их сразу приписали к абстракции. Колющие, режущие, агрессивные формы — в них видели аналог сюрреализму. Упрямый каталонец, отрешившийся как от одного, так и от другого «изма» или определения, сам дал название своим творениям.

«Это просто рисунки в пространстве», — так некогда отвечал слесарь-автогенщик завода «Рено» Хулио Гонсалес сокрушенно кивавшему головой мастеру цеха.

Термин прижился в словаре критиков и галеристов. И, видимо, из жалости к искусствоведам скульптор наделял свои колюще-режущие опусы вполне академическими названиями — «Причесывающаяся женщина», «Женщина перед зеркалом», «Материнство» — не без иронии считая, что пластика скажет сама за себя.

МИХАИЛ БОДЕ

Выставка организована при содействии Centro Julio Gonzalez de l'Institut Valenciano de Arte Moderno